

Типология героев С. Довлатова

Сергей Довлатов, рассказчик – творец, делает открытое признание своим героям в эпилоге повести «Иностранка»: «Ты – персонаж, я – автор. Ты – моя причуда. Все, что слышишь, я произношу. Все, что случилось, мною пережито... Я – автор, вы – мои герои. И живых я не любил бы вас так сильно» [1: 343]. В этом признании рассказчик – повествователь заставляет нас задуматься о проблеме автобиографичности, о прототипах персонажей и, конечно, дает заведомо положительную оценку своему детищу, миру причудливых героев, героев, которые поражают своей простотой и странностью, беззлобием и довлеющим трагизмом. Способность Довлатова балансировать между героем и автором, между нормой и абсурдом, между трагичным и смешным феноменальна.

«Ремесло писателя напрямую связано с созданием собственной мифологии. Случай Довлатова в этом смысле уникален: он творит мифологию своих персонажей, отводя рассказчику роль заведомо подчиненную. Личность автора вытесняется из текста в область чистой стилистики, неуловимой интонации... Довлатов, в сущности, вообще не описывает людей как таковых. Он примеряет их на себя» [2]. В «Соло на на ундервуде» находим: «Персонажи неизменно выше своего творца. Хотя бы уже потому, что не он ими распоряжается. Наоборот, они ими командуют» [1: 293].

Кто же он, довлатовский герой? При целостной классификации героя необходимо обратить внимание на окружающую его обстановку, охарактеризовать пространство, которое влияет на эволюцию героя, определяет его поступки. Сергей Довлатов – писатель современности, в своих произведениях ему удалось отразить ту эпоху, в которой жил он и его современники. Эпоха, понятая им, так и не приняла его. И это нереализованное слияние выкинуло героев Довлатова за грань цивилизации. К тому же, номенклатурное жизнеподобие было изобличено писателем с юмористической, а иногда и с сатирической точки зрения. И действительно, предметом авторского изображения является мир, в котором царит хаос и беспорядок, норма соседствует с абсурдом, где абсурдность вытесняет норму. «По Довлатову, жизнь человеческая абсурдна, если мировой порядок – нормален. Но и сам мир абсурден, если подчинен норме, утратил качество изначального хаоса» [3: 18]. Объектом писателя является прежде всего человек. Именно челове-

ское во всех проявлениях – доминирующая черта всех, без исключения, персонажей Довлатова. В связи с этим, неудивительно тяготение Довлатова к маргинальной ячейке общества, к тому, кто является плембеем и юродивым аутсайдером по принятым нормам. Питая слабость к такому классу людей, он и в жизни предпочитал их общество приличному кругу.

Аутсайдеры Довлатова – лишние в современном цивилизованном мире. Классическая тема лишнего человека через столетия обрела новую ипостась и воплотилась в творчестве писателя – юмориста. Эти нелепые чудики безобидны и интересны, они вызывают улыбку и жалость. Но самое главное, на что обращает внимание писатель, – их человечность, альтруизм. Некоторые персонажи оказываются на голову выше тех, кто в иерархическом порядке главнее, успешнее. Непонятые, непринятые, они влачат свое существование, часто прибегая к алкоголю. «Трудно установить, отреклись довлатовские герои от социальной жизни или выброшены из нее. Процесс этот взаимообусловлен. Тонкость сюжетов прозяка на этом и заострена. Довлатов ненавязчиво фиксирует едва различимую границу между отречением и предательством. Отречением от лжи. И предательством истины» [3: 11].

Таким образом, мы выделяем две основные группы довлатовского художественного пространства. Во-первых, **люди цивилизованно-го мира**: номенклатурные работники, вожди государства, интеллигентный круг людей, редакционные стукачи (Сталин, Берия, добропорядочный, но ограниченный партработник Генрих Францевич Туронок и Лийвак в «Компромиссе», а также любимый писатель Вольф, кумир Бродский, Найман, Рейн и др.). Довлатов обращается к этим героям, так как именно они являются людьми цивилизованного мира, с помощью этих персонажей задается настрой, фон, образуется система норм и правил, законов и следствий, что насыщает сюжет, смещает абсурд и норму.

Во-вторых, **аутсайдеры**: эски, люди творческих профессий, алкоголики, бедные люди (загадочная Фрида Штейн, Галина из «Компромисса», Буш, странный балагур Ковригин, старушка, поднявшая в мусорном баке теннисный мяч для внука и др.). Взаимоотношение двух миров порождает комический эффект. Например, в рассказе «Солдаты на Невском» происходит столкновения двух миров – интеллигентная семья Ли оказывает прием двум солдатам – Рябову, их давнему знакомому, и невоспитанному хвостуну – ловеласу, бывалому рассказчику Гаенко. Герой рассказывает грубые юмористические истории, которые ошеломляют хозяев. «Все то время, что Андрюха рассказывал, Наташа

и ее гости как-то встревоженно переглядывались. В конце интеллигентный юноша фальшиво засмеялся, а Васька Рябов покраснел» [4, 164].

Писатель не делит героев на положительных и отрицательных, хоть с большей теплотой пишет о маргинальной группе. Его цель – указать на то, что же такое реальность и как можно с ней ужиться. Комизм и трагизм – следствие взаимоотношений этих миров. Именно отсюда выходит гоголевский «маленький человек», непринятый окружением, обиженный и оскорбленный. Например, сходство одного из героев Головкиера в рассказе «Встретились, поговорили» с Акакием Акакиевичем Башмачкиным неоспоримо.

Преодолевая литературную эпоху, подобные «маленькие люди» также бродят по закоулкам серого Питера, но не пугая других, а пугаясь людей в форме, пугаясь того, что жизнь идет сама по себе, а они вытеснены системой, что абсурд стал нормой и есть два запасных выхода: алкоголь или эмиграция.

Что роднит персонажей двух разных групп? Что разделяет? Во-первых, по сюжетообразующему принципу герои делятся на **динамичных** (герой Сергей Довлатов в «Невидимой книге») и друзья-журналисты, которым удается открыть новую газету в США, журналист Довлатов и фотограф Жбанков в «Компромиссе», которые не сживаются с системой, но работают и не изменяют своим принципам, главный герой Красноперов в сентиментальной повести «Иная жизнь», у которого есть цель – работать над архивами Бунина, писатель Егоров в рассказе «Хочу быть сильным», занимается боксом, так как мечтает стать одним из сильных мира всего) и **статичных** (дядя Миша в «Заповеднике», который «бредит матом» и влачит пустое существование, Фима Быковер в «Компромиссе» с глупыми философскими заключениями о смерти, неудачник Тихомиров в «Ремесле», ненавидящий соседку Агнию Францовну за интеллигентность и выливающий свой негатив в виде брани на весь окружающий мир и др.).

Как мы видим, динамичные герои ставят какую-то цель перед собой, они пытаются добиться чего-либо, выжить, не поступившись своими правилами и законами человечности. Статичные же просто существуют. Возможно, это уже итог той самой борьбы, в которую вовлечены динамичные герои, но итог один: больше они не противостоят этому миру знаков, а опускают руки и, как правило, наполняют стакан алкогольными напитками.

Общей чертой этих двух групп является также фатальное невезение, глупость, абсурдность, трагикомизм существования. Следующей общей чертой является алкогольная тема. Пристрастие к стакану очевидно у подавляющего большинства героев. Кто-то способен утопить

горечь, обиду и снова продолжать нормальное существование, кто-то не выходит из этого состояния вообще. Алкоголь – это проходной билет в творческий круг.

Отдельно можно выделить так называемую **периферийную группу**, в которой мы встречаем как представителей интеллигенции, так и маргиналов – аутсайдеров. Эти герои обладают уникальной способностью не быть лишними, действовать и не изменять себе. Они умело вживаются в систему, не принимая её. Например, писатель Гранин в «Ремесле» советует найти периферию между совестью и писательством. Эти герои заслуживают уважения, о них Довлатов говорит просто, не вводя в смеховое поле.

В самой же группе аутсайдеров выделяется еще одна черта, которая сближает героев, отделяя их от вышеперечисленных групп – это ненужность героя этому миру. «Довлатов знал, что похожие друг на друга люди любезны всем, непохожие — пробуждают враждебность. Но соль жизни — в последних, в «лишних». Одна из его лучших новелл, вошедшая в «Компромисс» (об Эрнсте Буше), публиковалась также и отдельно, вне цикла, под названием «Лишний» [3 :19].

Довлатовские персонажи классифицируются нами также по роду своей деятельности и мировоззрению.

Прежде всего выделим группу **писателей**, прототипами которых являются современники Довлатова: Игорь Ефимов, Иосиф Бродский, Марамзин, Вахтин, Губин и др. У Довлатова они фигурируют как герои с четкими характеристиками. Например, в «Ремесле» четко очерчен круг друзей – писателей, с которыми очень хотел быть в одном писательском кругу Довлатов. Писательский круг – это люди своего мира. Их чужаковатость проявляется по-разному: кто-то превозносит свой талант и хочет слышать только о себе («Дедушка русской словесности», история о Вольфе), кто-то совсем абстрагирован от действительности, так в своем демиургическом мире живет Бродский. Но роднит писателей одно – талант. Главное не продать его, не променять на рентабельность, иначе в этом микрокосме тебе нет места (история с Воскобойниковым).

Следующей группой является **редакционный мир**. Он широко представлен в «Ремесле», «Компромиссе», «Невидимой газете», «Колонках редактора» и др. Тональность этих произведений различна. «Ремесло» и «Невидимая газета» очень похожи, герои, представленные здесь, одинаковы – от поступков до речевых характеристик. Изменены лишь некоторые имена: Борис Метгер становится Борисом Моке-ром. Но желание открыть газету, затем воплощение этой мечты – один сюжет данных произведений.

В редакционной жизни есть свои правила. И они четко и метко воплощены в довлатовских персонажах «Ремесла». Это словно досье на современников в ироническом и остросатирическом изложении. Перед нами галерея образов с говорящими фамилиями: зам редактора Юран – бесполезный «старый пионервожатый», подлиза Хохлов, отшельник своих мыслей, заведующий отделом спорта Верховский, оживленная мегера Пожидаева, агрессивная, ценящая только мысль о партии, Беляев, алкоголик, сплетник, осуждающий других. Есть и положительные герои – Лосев, зав. массовым отделом, хорошо зарабатывает, но решает эмигрировать, и Сахарнов, положительный герой, нашедший свою нишу. И, конечно, сам герой, который уподобился системе, а затем иронизирует над собой.

Следующий тип – **эмигранты**. Это люди совершенно разных профессий и целей. В «Невидимой газете» и «Ремесле» всех объединяет мысль разбогатеть: мысли Лемкуса, религиозного деятеля, ироничны, так как нацелены на одурачивание людей, экономист Скафарь мечтает выгодно жениться, только Мокер (Меттер) стремится стать честным бизнесменом – открыть газету. Эмигранты также в ироничном изображении предстают в «Иностранке». Таксисты: Баранов (в прошлом художник), Перцович (преподаватель марксизма–ленинизма), Еселевский (шофер), Рубинчик, разорившийся владелец фотоателье, Пивоваров, владелец продовольственной лавки, Зарецкий, публицист, Друкер, издатель и др. Все они – все те же чудики, имеющие ту или иную причину эмигрировать, все зарабатывают, вытесняют американскую культуру, их истории не похожи друг на друга, но роднят их нелепые ситуации. Ключевым образом станет Маруся Татарович, «девушка из хорошей семьи», уехавшая просто так, чтобы устроить самостоятельную жизнь (и, если повезет, личную).

В эмиграции развивается удивительная способность героев находить свою плоскость. В «Невидимой книге» автор указывает на то, что в редакцию всегда тянуло плебс. Именно здесь имеет продолжение истории некоторых героев – Лемкус занимается религиозной деятельностью, параллельно торгует земельными участками, Скафарь все так же в поисках невесты, появляется также диссидент Караваев (из «Иностранки»), у которого 20 лет «стажировки» в лагерях. С помощью истории своих героев, Довлатов открывает широкий тематический спектр: шовинизм, так называемая еврейская тема, ценность своей профессии и назначения писателя, дихотомия Востока и Запада, слияние американской и русской культуры и др. Но главная мысль – герои приехали за мифическим счастьем, за свободой, а в сущности, ничего этого никто не обрел. Открытие автора –повествователя – Америка не

рай, просто меняются ценности, а с ними и люди (редактор Боголюбов, журналист Дроздов); и на Родине, и здесь есть свои преимущества. Иронично Довлатов рисует собственный редакционный круг – деятельные товарищи, которые ругаются из –за того, что не получается измерить счастье в денежном эквиваленте, бесконечные ссоры и недомолвки, нечистоплотность Дроздова, его «влюбленный пыл», от которого сгорает вся редакция. Однако всех эмигрантов связывает самое ценное, и об этом Довлатов скажет в «Невидимой газете» и «Колонках редактора» – мысль о литературном родстве: «Но литература – одна. Единственная. Русская литература. Высшее достижение нашей много-страдальной родины. Лучшее, что нас объединяет» [6, 226].

Следующий пласт – **заключенные («зэки»)**, их мир, отчужденность от всего насущного. Здесь герои – рецидивисты, колоритно и натуралистично вырисованные писателем. Составной частью этого мира являются и конвоиры, к которым также принадлежит сам Довлатов-писатель («Зона», «Фиалиал», в «Колонках редактора»). Жизнь лагерных героев и жизнь обыкновенных людей во многом одинакова.

Итак, писатель и герои находятся в вечном поиске друг друга. Их роднит не только эпоха, тематический аспект, но и общие, выделенные нами черты. Разделяя персонажей на три основные группы, замечаем, что Довлатов все же отдает предпочтения маргиналам. Все герои в свою очередь подразделяются на тематические подгруппы по роду деятельности и мировоззрению. Сам же писатель–творец гармонично сливается со своим художественным, им выдуманном пространством, эволюционирует, примеряя определенные маски. Поэтому пограничность в характере героя–двойника неудивительна.

Библиографический список

1. *Довлатов, С.* Собрание сочинений в 4-х томах [Текст] / С. Довлатов. – СПб., 2005. – Т. 3.
2. *Куллэ, В.* Бессмертный вариант простого человека [Интернет-ресурс] / В. Куллэ // Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба; сост. А.Ю. Арьев. – СПб.: Звезда, 1999.
3. *Арьев, А.* История рассказчика [Текст] / А. Арьев // Довлатов С. Собрание прозы в 4-х т. – СПб., 2005. – Т.1. – С. 5-36.
4. *Довлатов, С.* Собр. соч. в 4-х т. [Текст] / С. Довлатов. – СПб., 2005. – Т. 1.
5. *Довлатов, С.* Собр. соч. в 4-х т. [Текст] / С. Довлатов. – СПб., 2005. – Т. 4.
6. *Довлатов, С.* Речь без повода... Или колонки редактора [Текст] / С. Довлатов. – М., 2006.